

Раиса Павловна Бережная (Литвинова)

...Когда я родилась, город Ворошиловск уже две недели находился под немцами. В моих документах местом рождения значится Ставрополь, хотя тогда, в 42-м, он назывался Ворошиловском. «Коренное» название вернулось в январе 1943 года, когда из города изгнали последнего оккупанта. Только тогда и оформили мое свидетельство о рождении. А мы в это время жили в поселке, который назывался Конный завод №168, куда родители переехали еще до войны, вскоре после свадьбы. Находился наш поселок в Мало-Карачаевском районе Карачаево-Черкесской автономной области. Здесь на горных пастбищах выращивали для армии быстроногих коней кабардинской породы. Поселок фашисты почти не тронули, только школа пострадала. Местные говорили, что Кавказ Гитлер берет для себя – надеялся подлечиться на благодатной земле. Во время немецкой оккупации многие жители конезавода были эвакуированы в Среднюю Азию.

На новом месте папа работал строителем, а мама, как другие замужние женщины, как правило, многодетные, занималась только домашним хозяйством. В СССР делалось такое исключение для кавказских территорий. При этом неработающие хозяйки исполняли обязательную трудовую повинность – несколько раз за лето пропалывали гектар совхозной земли, засеянного кукурузой. Причем, бесплатно. Платили только незамужним. И вдовам - они почему-то жили за рекой отдельно. Оттуда до Кисловодска рукой подать, если идти тропами. Вечерами в горах далеко разносились их красивые печальные песни:

*Прощай жена, прощайте, дети,
И ты, любимый конь, прощай...*

И в конце:

*И молодого коновода
Несут с пробитой головой...*

Вспоминали, горемычные, своих мужей, похороненных войной. И поглядывали на выживших.

В войну, да и после, жилось голодно... Занимали очередь за хлебом, когда он еще пекся. Съедали сразу. Поддерживала-подкармливала семью корова. Но кроме пользы был от нее и вред. Однажды я стояла и смотрела, как мама ее доит, обнимала куклу с меня ростом. Мне было года три. А рогатая вдруг развернулась ко мне, вцепилась кукле в башмачок и давай его жевать. Стоит, доится, башмачком чмокает, а я реву.

Но разве это горе? Горе было у беженцев. Они часто заходили в поселок, их все подкармливали, чем могли. А однажды я пригласила цыганку с детишками. Они не были приучены к аккуратности - пришлось долго приводить дом в порядок. Но никто не сердился, только слезы смахивали, – жаль всех обездоленных.

Помню, как в пять лет участвовала в субботнике. В огромном яблоневоm саду сажали в междурядье буряки – сахарную свеклу. И вот пришло время собирать урожай. Взрослые ее выдергивали, а я за хвостики волокла в кучу. Потом весь сбор отправляли на сахарный завод в переработку. Огромные были корнеплоды, тяжелые. За работу давали «оплату» - кусок мыла. И папе, и мне. Радость!

...Конезавод был для нас точкой притяжения. Самое яркое и красочное воспоминание - скачки. А еще – как летом из Москвы к нам приезжал сам Семен Михайлович Буденный, знаменитый командарм, отбирать для армии лошадей. С гор спускали табуны, лучших коней начищали до блеска для соревнования - вот так решалась лошадиная судьба. После триумфа победителей загоняли на грузовые машины, привязывали к бортам и закрывали тентом. Их ждали где-то далеко люди в погонах. Когда их грузили, я мысленно представляла, как во время войны уходила в горы та самая конница Буденного, о которой сложили песню... Помню эту картину и сейчас: все верховые в защитного цвета форме и остроконечных буденовках, а мы, детишки, стоим по обочинам дороги и молча смотрим им вслед. Я была совсем малышкой, а не забываю...

...Когда погрузка коней заканчивалась, Семен Михайлович, подкрутив свои роскошные усы до подбородка, накупал в буфете конфет, пряников и угощал поселковую детвору. Было такое лакомство – карамель с вареньем внутри, называлась «подушечки». Их все дети нашей страны любили. Да и взрослые - других-то конфет в магазинах тогда не наблюдалось. Для нас после щей из крапивы они становились пиршеством...